Turbin

Karaul

Moskva

1900

Reel: 54 Title: 15

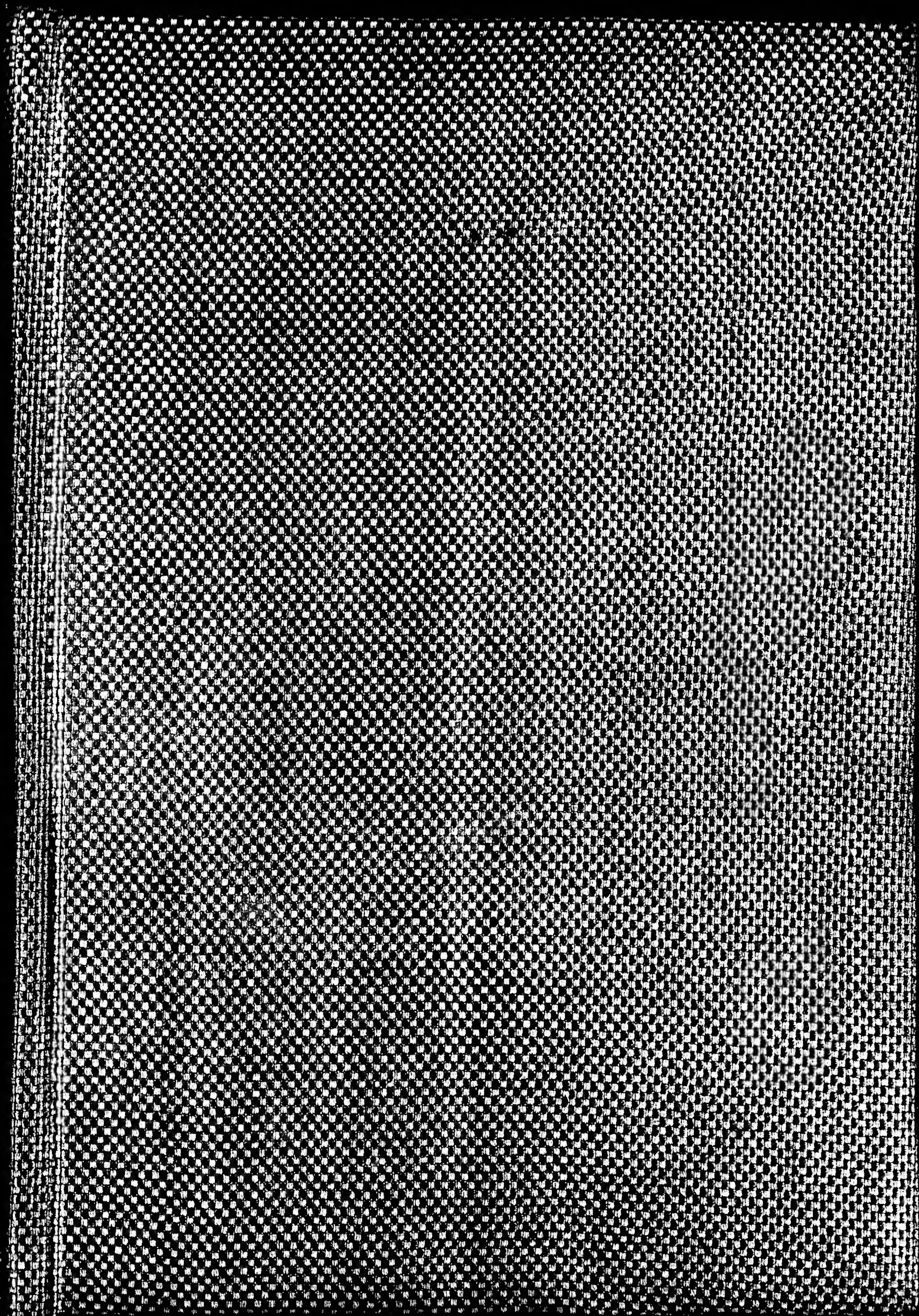
BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00054.15

Control Number: BGP-3197
OCLC Number : 25288770
Call Number : W 381.5917N T841k no. 1
Author : Turbin, Vladimir A.
Title : Karaul! : svakhi doniali! : razskaz / Vladimira A. Turbina.
Imprint : Moskva : Izdanie N. N. Sharapova, 1900.
Format : 32 p. ; 16 cm.
Note : "No. 69".
Note : Illustrated covers.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 11/1/94
Camera Operator: AR

16 + 17

КАРАУЛЪ!

СВАХИ ДОНЯЛИ!

КАРАУЛЪ!

СВАХИ ДОНЯЛИ!

РАЗСКАЗЪ

Владиміра А. Турбина.

№ 69.

МОСКВА.
Изданіе книгопродавца Н. Н. Шарапова.
1900.

Дозволено цензурою. Москва, 15 декабря 1899 года.

Типо-литографія Н. Н. Шарапова, Кудринская ул., д. Кирѣевой.

Караулъ! Свахи доняли!

I.

Второй гильдіи купчиха Анѳиса Фроловна Кобякова, лѣтъ 50-ти, съ выраженіемъ нѣкоторой грустной меланхоліи на лицѣ, уже около двухъ часовъ сидѣла за длинномъ столомъ, занимаясь полосканіемъ своего желудка густымъ настоемъ китайской травы. Въ окно глядѣло пасмурное ноябрьское утро. Комната была довольно обширная и чистая, съ свѣтлыми обоями, съ нѣсколькими блестящими иконами въ переднемъ углу, съ большими плетеными стульями по стѣнамъ, большимъ стариннымъ диваномъ подъ большимъ зеркаломъ и съ дубовымъ массивнымъ буфетомъ у правой стѣны. Изъ остальнаго убранства комнаты, называемой столовой, обращали на

себя вниманіе большіе старинные часы съ почернѣвшимъ металлическимъ циферблатомъ и нѣсколько лубочныхъ картинъ, въ рамкахъ за стекломъ, на лѣвой стѣнѣ. Передъ Анѳисой Фроловной шипѣлъ полутора-ведерный самоваръ, болѣе чѣмъ на половину уже выпитый. На столѣ, кромѣ большой вазы съ малиновымъ вареньемъ, стояли три тарелки: съ грибами двухъ сортовъ и икрой, а также маленькій подносикъ съ французскими хлѣбами. Послѣ каждой почти выпитой чашки чаю хозяйка обращалась къ помощи икры и соленыхъ грибовъ, въ твердомъ убѣжденіи, что это вызываетъ жажду и увеличиваетъ аппетитъ на чай. Анѳиса Фроловна только-что утерла губы послѣ икры и хотѣла поставить блюдце съ налитымъ чаемъ на пальцы правой руки, какъ вдругъ раздался звонокъ.

— „Кого это Богъ несетъ?“—подумала хозяйка, поставивъ на столъ блюдце. Вопросъ этотъ вскорѣ разрѣшился; въ комнату вошла пожилая, сухопарая гостья,

при видѣ которой Анѳиса Фроловна радостно воскликнула:—Марья Алексѣвна! добро пожаловать, сколько лѣтъ, сколько зимъ!

— Точно, — отвѣчала гостья, — ужъ недѣли двѣ будетъ, какъ не была; какъ вы себѣ поживаете, милѣйшая Анѳиса Фроловна? Здоровы ли-съ?

Хозяйка и гостья троекратно расцѣловались.

— Ужъ, что говорить,—произнесла потомъ хозяйка,—какое наше здоровье, всю поясницу разломило, къ погодѣ штоль, и сама не знаю?

— Это ты вѣрно, Анѳиса Фродовна, вишь небо-то какъ нахмурилось! То дождь, то снѣгъ,—ужъ и погодка, прости Господи!

— Садись, садись, матушка Марья Алексѣвна, я велю подогрѣть самоварчикъ, оно вдвоемъ-то охотнѣй, а то сидишь цѣльный день все одна, да одна.

— А гдѣ же барышня-то ваша, Дашенька-то?

— Гдѣ же ей быть, матушка, выпьетъ двѣ чашки чаю да и запрется на цѣльный день книжки эти самыя читать,— любительница она у насъ!

— Барышня она у васъ умственная, что говорить!—подобострастно заговорила Марья Алексѣевна,—вотъ женишка бы ей Богъ послалъ хорошаго! У меня, признаться, и есть такой на примѣтѣ; по правдѣ сказать, за тѣмъ больше и шла.

Хозяйка внимательно взглянула въ лицо гостьи и встрепенулась, причемъ глаза ея выразили радость. Въ это время кухарка внесла все тотъ же огромный самоваръ, только что подогрѣтый, а черезъ пять минутъ на столѣ появился графинъ домашней наливки. Вначалѣ разговоръ какъ-то не клеился, но послѣ нѣсколькихъ чашекъ чаю и трехъ рюмокъ настойки дѣло пошло на ладъ.

— Такъ говоришь, купеческій сынъ? поинтересовалась купчиха узнать званіе жениха.

— Купеческій, матушка, купеческій,—

какому же быть другому? Я вѣдь не впервой хлопочу по эфтимъ дѣламъ, знаю тоже, кому что нужно-съ.

— А молодъ?—допрашивава заботливая маменька.

— Да какъ тебѣ сказать? Годовъ, почитай, тридцати, какъ разъ подстать вашей Дашенькѣ: ей тоже чай, возлѣ эфтого будетъ?

— И что ты, Марья Алексѣевна, нашей дѣвкѣ и двадцати пяти еще нѣту! Вотъ только ужъ и ума не приложу, какъ ее урезонить: то старъ женихъ, то бѣденъ, а то образованности этой мало! Не потрафишь на нее, да и только. Намедни отецъ ужъ припугнулъ ее, какъ слѣдствуетъ. Ужъ ты, пожалуйста, похлопочи, Марья Алексѣвна, мы сами тебя не забудемъ.

— Будь благонадежна, Анеиса Фроловна, я для тебя всей душою, знаю, это за вами не пропадетъ, не какіе-нибудь, прости Господи! Только вотъ для началу хотѣла хоть пятеронку у тебя попросить.

— Что жъ, это пожалуй; только ты пожалуйста самому не говори, страсть какъ не любитъ онъ этого: когда, говоритъ, сдѣлаетъ дѣло—тогда и давай.

— Скупенекъ онъ у тебя!

— Ужъ и не говори, Марья Алексѣвна. Намедни пришла такъ-то Петровна, знаешь сваху Петровну,—да и вздумай попросить красенькую у самого-то, такъ что тутъ было, ужасти какъ раскричался на нее! А все же далъ тройчатку.

— Напрасно вы, матушка, и связываетесь съ этой Петровной. Ну, какая она, прости Господи, сваха? Ей только корничныхъ сватать, а ужъ никакъ не купецкую дочь. Какое у ней знакомство? А въ нашемъ дѣлѣ безъ знакомства никакъ нельзя.

Долго еще велся въ томъ же направленіи разговоръ между гостьей-свахой и хозяйкой-купчихой.

Самоваръ уже заглохъ и въ довольно объемистомъ графинѣ оставалось не болѣе двухъ рюмокъ настойки, что служило вѣрнѣйшимъ объясненіемъ при-

чины румянца, обильно выступившаго на лицахъ собесѣдницъ. Наконецъ, онѣ расцѣловались, выпили еще по рюмкѣ и распростились, причемъ сваха не позабыла напомнить и получить обѣщанную пятерку денегъ.

По уходѣ свахи, Анѳиса Фроловна взглянула на часы, да такъ и ахнула: было уже около двухъ часовъ, обыкновенное время, когда „самъ“ приходилъ изъ лавки обѣдать. А такъ какъ супругъ не терпѣлъ, когда къ его приходу обѣдъ не былъ готовъ, то хозяйка торопливо занялась приготовленіемъ обѣда. Въ это время въ столовую, напѣвая подъ носъ какую-то пѣсню, вошла дочь Анѳисы Фроловна, Даша. Это была толстая, коротконогая дѣвица, лѣтъ подъ 30, съ желтымъ, болѣзненно ожирѣвшимъ лицемъ. Двѣ узкія сладки, образовавшіяся по бокамъ рта, значительно расширялись, когда она выдвигала впередъ нижнюю толстую губу, обнаруживая бѣлые, острые зубы. Если къ этому прибавить толстый носъ съ родинкой на концѣ и остро

смотрящіе сѣрые глаза съ наплывшими вѣками, то каждый, при взглядѣ на эту фигуру, изобличилъ бы въ ней страстную натуру, мечтательную и въ высшей степени неразвитую. Поэтому не удивительно, что, несмотря на богатство отца, женихи избѣгали его дочь. Изъ бѣдныхъ, правда, находились искатели ея руки, но они или не нравились самой невѣстѣ, или отцу, а въ большинствѣ случаевъ получали отказъ потому, что запрашивали такое приданое, котораго не стоили и десятой доли, по мнѣнію отца Дашеньки, второй гильдіи купца Акиндина Саввича Кобякова.

Сначала Акиндинъ Саввичъ и не спѣшилъ выдачей дочери замужъ, но, видя что Дашенька приближается уже къ тридцати-лѣтнему возрасту и, чего добраго, можетъ остаться въ дѣвкахъ, онъ рѣшилъ уже не жалѣть приданаго, лишь бы нашелся мало-мальски подходящій женихъ. Таково же было мнѣніе и его супруги. Это-то и было причиной того, что въ послѣднее время въ домѣ купца

Кобякова начали охотнѣе прежняго принимать каждую сваху.

Только-что кухарка накрыла обѣденный столъ и поставила на него большую миску жирныхъ щей со снятками и соленой осетриной (шелъ Филипповскій постъ), какъ въ столовую ввалился самъ Акиндинъ Саввичъ въ сопровожденіи сына Александра, здороваго, краснощекаго парня, лѣтъ 25-ти.

Акиндинъ Саввичъ былъ мужчина, лѣтъ пятидесяти пяти, высокаго роста, плечистый, съ высокой грудью, мускулистыми руками, длинными, крѣпкими пальцами и лицомъ грубымъ, но цвѣтущимъ здоровьемъ. Окладистая борода придавала ему степенный видъ, а въ крупныхъ сѣрыхъ глазахъ свѣтилась практическая смѣтка. Одѣтъ онъ былъ въ длиннополый, засаленный сюртукъ и длинные сапоги «съ наборомъ». Акиндинъ Саввичъ былъ, по состоянію, однимъ изъ первыхъ купцовъ своего губернскаго города и имѣлъ значительную колоніальную, мясную и рыбную торговлю.

II.

— Уфъ! денекъ-же сегодня задался! произнесъ хозяинъ, усѣвшись на диванъ. Разъ пять ходилъ въ трактиръ!

— Во что вы только чай этотъ пьете?— несмѣло произнесла Анѳиса Фроловна.

— Да вѣдь наше дѣло такое, торговое: то съ однимъ пойдешь, то съ другимъ, а тамъ третій подвернулся, ну, какъ отказаться? Ну, у тебя все готово?

— Все, Акиндинъ Саввичъ, пожалуйте садиться!

Глава дома тяжело подняться съ дивана, плюхнулъ на придвинутый къ столу стулъ, опрокинулъ въ себя большую рюмку водки и принялся за щи, предварительно помолившись Богу. Всѣ съ аппетитомъ начали хлѣбать деревянными крашеными ложками. Обѣдъ шелъ, по купеческому обычаю, при всеобщемъ молчаніи. Дашенька ѣла сравнительно меньше всѣхъ, причиной чего было то, что до обѣда она раза два уже сбѣгала

на кухню и порядкомъ тамъ поѣла. Послѣ щей появилась на столѣ та-же миска гречневой каши, въ которую хозяйка влила три большія ложки подсолнечнаго масла и размѣшала ее. Съ такимъ же аппетитомъ всѣ, кромѣ Дашеньки, принялись за кашу, запивая ее по временамъ густымъ домашнимъ квасомъ изъ большой эмалированной кружки. Послѣ обѣда хозяинъ и хозяйка легли отдохнуть, сынъ ушелъ немедленно въ лавку, а Даша ушла въ свою комнату и занялась чтеніемъ откуда-то взятой ею книги: «Искусство нравиться мужчинамъ». Черезъ часъ послѣ обѣда и самъ Акиндинъ Саввичъ отправился въ лавку.

Лишь только онъ вышелъ, какъ раздался звонокъ, и чрезъ пять минутъ кухарка впустила въ переднюю новую гостью, а сама побѣжала въ спальню доложить о ней хозяйкѣ.

— Тамъ Анѳиса Фроловна, спрашиваетъ тебя Петровна,—докладывала кухарка хозяйкѣ.

— Петровна? А?—удивлялась, проди-

рая глаза купчиха,—и поспать не дадутъ, прости Господи. Зови ее въ столовую, а сама разогрѣй самоваръ,—все же распорядилась она.

Въ столовую вошла нестарая женщина съ лицомъ, носящимъ отпечатокъ ханженства и хитрости, въ темномъ ситцевомъ платьѣ и съ черной косынкой на головѣ. Особа эта была та самая сваха Петровна, которую такъ не рекомендовала купчихѣ сваха Марья Алексѣвна. Петровна принадлеждла къ мѣщанскому сословію и въ лѣтнюю пору обыкновенно путешествовала по монастырямъ на деньги, собранныя отъ своихъ благодѣтелей, а въ остальное время года занималась сватовствомъ, гаданьемъ на картахъ и разнесеньемъ сплетенъ, причемъ главная ея дѣятельность на этомъ поприщѣ простиралась на купеческіе дома. Войдя въ столовую, она помолилась съ искусственной набожностью и, почтительно кланяясь входившей хозяйкѣ, проговорила: здравствуйте, матушка, Анѳиса

Фроловна! Какъ вы себѣ поживать изволите?

— А! Авдотья Петровна! Гдѣ ты, мать моя, пропадала?

— Да только съ недѣлю, матушка, возвратимшись изъ Ерусалиму! Дорога дальняя, всѣ ноженьки стерла, ужъ и не думала, что Господь приведетъ свидѣться. Ну, какъ самъ-то, здоровъ-ли? Дашенька ваша какъ?

— Дашенька что! Вотъ все жениха подыскиваемъ, нонѣ была Алексѣевна, обѣщалась содѣйствовать, не знаю, что выйдетъ, въ воскресенье посулила отвѣтъ.

— И ничего-то вы ей не вѣрьте, милая Анѳиса Фроловна! Такъ Богъ съ вами,— воля ваша,—а только я упреждаю васъ. Петровнѣ только куфарокъ сватать, а ужъ изъ купецкихъ домовъ-то не мало ее гоняли. Хорошо, я во время пришла. А ужъ такіе-то два жениха у меня припасены, что хоть куды! Прынцы настоящіе!

— Молодые или какъ? спросила хозяйка.

— Одинъ, матушка, въ Дашенькину

пору, ну, а другой-то посолиднѣй: энтотъ будетъ вдовецъ, но за то богачъ и степенный человѣкъ...

— Нѣтъ, Петровна, вдовецъ Дашенькѣ не годится! Сама посуди, она дѣвка въ самомъ соку и не какая-нибудь тамъ неученая,—надо тоже понять!

— А то есть еще военный, охфицеръ,— продолжала сваха, только тоже лѣтъ подъ 50, а холостой.

— Ну, за офицера-то самъ нипочемъ не отдастъ, терпѣть не можетъ этихъ военныхъ.

Въ это время кухарка внесла, кряхтя, шипящій на всѣ лады самоваръ.

— Скажи поди Дашенькѣ, чтобы посуду приготовила,—приказала кухаркѣ Анѳиса Фроловна,—да скажи, молъ, Петровна пришла.

Кухарка развалистой походкой пошла за Дашей, которая быстро влетѣла въ столовую.

— Милая, Авдотья Петровна,—заговорила она, цѣлуясь со свахой,—раскинь ты мнѣ пасьянсикъ, а то ныче ко

сонъ видѣла, ажно совѣстно сказать! Безпримѣнно это къ женихамъ!

— Вишь ты краля-то какая!—похвалила сваха,—какъ не быть женихамъ: кровь съ молокомъ, одно слово! Ну, неси карты, давай ужъ погадаю.

Черезъ 5 минутъ гадалка раскрывала уже на столѣ карты. И мать, и дочь сосредоточенно уставились на разложенныя карты.

— Скорое свиданіе съ бубновымъ королемъ! объясняла гадалка,—а вотъ, дорога черезъ трефовую даму въ большой домъ. Гляди: амурная постель! Ну, дѣвка, быть тебѣ замужемъ, вотъ попомни мое слово. Трефовая восьмерка—эсо елезы—ужъ слезы при свадьбѣ завсегда, при разставаніи съ родителями! Бубновый тузъ при трефовой дамѣ—это переговоры черезъ самую эту даму. Вышло хорошо: ежели, значитъ, умѣючи повести дѣло, смотри, выгоритъ!—закончила свое гаданье Авдотья Петровна.

Хозяйка, сваха и невѣста усѣлись за столъ и стали пить чай, причемъ для

гостьи появились на столѣ настойка и икра. Отъ того и другого сваха и не подумала отказываться. Пропустивъ пятокъ рюмочекъ и плотно закусивъ ихъ икрой, она снова заговорила:—Ну, такъ какъ же, Анѳиса Фроловна, сватать значитъ, за холостого? А какъ, позвольте узнать, насчетъ приданаго? Все-таки, знаете, лучше когда доподлинно извѣстно, а то вдругъ спроситъ женихъ.

— Самъ говорилъ, что деньгами дастъ смотря по жениху: за хорошаго обѣщалъ десять тысячъ—это значитъ, если самъ имѣетъ капиталъ, а за иного, говоритъ, и пяти тысячъ жалко!

— Ужъ очень, матушка, самъ-то у тебя характерный, помнишь, какъ тогда на меня раскричался?

— И не говори, Петровна, иной разъ какъ застучитъ по столу кулачищемъ, у меня даже въ сердцѣ кольнетъ и духъ захватываетъ! А то и такъ бываетъ, что веселъ и шутить даже начнетъ.

— Ну, такъ, я тебѣ въ воскресенье и отвѣтъ отъ жениха предоставлю, что и

какъ,—обнадежила Петровна,—а пока что, не разживусь-ли пятерочку?

— Пятерочку не знаю, какъ, а вотъ три рублика дамъ тебѣ, только самому не проговорись, а послѣ какъ слѣдствуетъ отблагодаримъ тебя, ужъ только похлопочи!

— Ладно, ладно, ужъ будь въ надеждѣ: я не люблю зря болтать! внушительно сказала сваха и при этомъ что-то пошептала на ухо невѣстѣ. Та побѣжала въ свою комнату, оттуда моментально вернулась и незамѣтно сунула кредитку въ руку свахѣ.

Петровна ушла, и только-что Анѳиса Фроловна хотѣла убрать чайную посуду, какъ раздался новый звонъ колокольчика, удивившій хозяйку, которая сначала подумала, не вернулась-ли зачѣмъ Петровна. Недоумѣніе купчихи разрѣшилось тѣмъ, что кухарка ввела въ столовую незнакомую худощавую, плоскогрудную даму, съ длиннымъ лицомъ, испещреннымъ бурыми пятнами на лбу и

мелкими волосатыми бородавками на щекахъ и остромъ подбородкѣ.

— Что будетъ вамъ угодно? — спросила хозяйка

— Вы будете Анѳиса Фроловна? спросила незнакомая.

— Такъ точно, я самая. Вы по дѣлу что-ль какому пожаловали, или съ просьбой какой?

— По дѣлу, матушка, по дѣлу, и къ тому же дѣлу важному. Позвольте рекомендоваться—вдова отставного чиновника Дарья Борисовна!

— Очень пріятно! Садитесь пожалуйста, я велю подогрѣть самоварчикъ.

— Покорно благодарю, не затрудняйтесь пожалуйста; впрочемъ, если сами не кушали, то я не прочь выпить чашку чаю, хотя и пила недавно.

— Что вы? Какое же тутъ безпокойство? Я и сама съ удовольствіемъ буду пить чай. Марѳа! Возьми, подогрѣй самоваръ! — закричала кухаркѣ Анѳиса Фроловна.

— Только и знаютъ, что чай пьютъ

день деньской; куда они только льютъ его? — заворчала съ неудовольствіемъ кухарка.

— Я съ самой смерти мужа занимаюсь сватовствомъ въ хорошихъ домахъ,— продолжала рекомендоваться чиновница,—и хочу предложить вамъ свои услуги. Это дѣло мнѣ такъ хорошо знакомо, что вы не найдете никого, кто бы остался мной недоволенъ. А я слышала, что у васъ есть невѣста, тогда какъ у меня нѣсколько жениховъ!

— Правда, — прервала гостью купчиха,—у насъ есть невѣста, но у насъ есть уже двѣ свахи, которыя въ воскресенье предоставятъ намъ отвѣтъ о женихахъ.

— Это, какъ хотите,—вкрадчиво заговорила новая сваха,—только я должна вамъ замѣтить, что сваха свахѣ рознь. Тѣ свахи, вѣроятно, начинаютъ сватать, не узнавъ опредѣленно о согласіи жениха, а послѣ ужъ ищутъ жениховъ. У меня же обычай не таковъ: я прежде являюсь къ женихамъ, а потомъ ужъ

къ тѣмъ невѣстамъ, которыя имъ нравятся.

— Кому же это наша Дашенька понравилась?—удивленно спросила Анѳиса Фроловна.

— Вотъ, стало быть, есть такіе, если я пришла,—уклончиво отвѣтила чиновница.

— А изъ какого званія ваши женихи?— поинтересовалась хозяйка.

— Изъ какого угодно, матушка,—есть разные: одинъ чиновникъ, одинъ офицеръ и нѣсколько купцовъ.

— А кто эти купцы, позвольте узнать?

— Я бы желала напередъ узнать, какое будетъ отъ васъ приданое деньгами и какое вознагражденіе мнѣ за труды— это тоже необходимо знать.

— Вѣрнаго я не могу вамъ сказать, это зависитъ отъ самого; говорилъ онъ, что за хорошаго человѣка дастъ 10 тысячъ, а что касательно вашего вознагражденія, то при хорошемъ женихѣ смѣло можете расчитывать на полсотенки

рубликовъ, а тамъ, что самъ скажетъ.

— То-то, матушка, вѣдь вы сами понимаете, что меня никакъ нельзя ровнять съ какой-нибудь свахой проходимкой: я все-таки чиновница!

— Это вѣрно, душечка, развѣ мы не понимаемъ. Ну, такъ мы будемъ въ надеждѣ, ужъ вы похлопочите; довольны будете, не сумнѣвайтесь!

— Коли такъ, то я первымъ дѣломъ буду сватать Ламакина сына. Чай, знаете Ломакина?

— Ну, вотъ, какъ же не знать-то? Женихъ, можно сказать, изъ первыхъ, только согласится-ли?

— А ужъ это скажу вамъ, будетъ зависѣть отъ умѣнья свахи. Я на свою опытность надѣюсь.

— Что же вы ничего не кушаете?— стала угощать хозяйка,—скушайте съ икоркой бутенбротикъ, оно передъ чаемъ-то хорошо, я сама люблю.

Гостья выпила настойки, закусила икрой и принялась за чай. Разговоръ

продолжался на ту же тему. Наконецъ, гостья пожелала увидать невѣсту. Дашенька, слушавшая у дверей разговоръ матери съ свахой, успѣла заблаговременно принарядиться, а потому вышла въ столовую по первому требованію матери. Сваха внимательно посмотрѣла на невѣсту, послѣ чего лукаво проговорила:

— Вотъ жениха тебѣ присватываю, а ты, милая, небось и не чуешь? Ламакина сына видала?

— Какъ не видать! Только ужъ хуже-то никого не нашли вы? Не даромъ и фамилія-то его Ламакинъ: ломливѣй его и не найдешь, а вѣдь дуракъ набитый, никакого обращенія съ барышнями не можетъ имѣть; лучше ужъ за другого кого выйти побѣднѣй, но не за этого увальня. Какой онъ будетъ мужъ, да къ тому же рябой!

За этимъ разговоромъ никто не замѣтилъ, какъ съ чернаго хода вошелъ самъ Акиндинъ Саввичъ.

— Снѣжку Богъ даетъ!—проговорилъ онъ при входѣ,—авось, дорога устано-

вится, а то никакого подвозу совсѣмъ нѣтъ. Масла теперича какъ поднялись! Тутъ хозяинъ замѣтилъ незнакомую гостью и, посмотрѣвъ вопросительно на жену, спросилъ:

— Это кто же будетъ-съ?

Гостья привстала. — Акиндину Саввичу—нижайшее почтеніе!—произнесла она. Вотъ сватаю дочку вашу за Ламакина сына, а она отказывается.

— Что? Отказывается? Да если бы съ Ламакинымъ сошлось дѣло, я не сталъ бы у ней и спрашивать. Сватай, сватай! Благодарность получишь такую, что сама удивишься. За Ламакина отвалю тебѣ сотнягу, такъ и быть, ну, тамъ еще, какъ водится, шерстена что-ль на платье? ублаготворю, одно слово! А что касательно дѣвки—это ерунда! Супротивничаетъ, а! Дочка супротивничаетъ! Гдѣ же это видано, чтобы дите твое, вспоенное и вскормленное, своею разсудительность проявляло? Нѣтъ, милая, я на то и отецъ, чтобы ты чувствовала это и трепетъ въ себѣ обозначала. Мы изъ

тебя дурь-то эту вытрясемъ, только бы Ламакинъ отъ такой крали не отказался. А ты,—какъ твоя именуемость-то? съ перваго разу десять тыщъ жениху обѣщай,—обратился онъ къ чиновницѣ.

— Дарья Борисовна меня зовутъ,— доложила сваха.

— Такъ ты, Дарья Борисовна, старайся, а нами обижена не будешь. Вотъ тебѣ красенькая для начатія дѣла,—подалъ онъ свахѣ кредитку.

— Ну, такъ я въ воскресенье принесу вамъ отвѣтъ,—сказала сваха и стала прощаться съ хозяевами. Долго по уходѣ свахи бесѣдовали супруги о предполагаемомъ сватовствѣ, причемъ Ламакинъ, конечно, былъ очень желательнымъ женихомъ. При этомъ Аноиса Фроловна разсказала мужу, что кромѣ чиновницы, ее посѣтили еще двѣ свахи, Алексѣвна и Петровна, которыя тоже обѣщали дать окончательный отвѣтъ въ воскресенье.

— Что ихъ нонѣ прорвало?—удивился супругъ. А ко мнѣ заходила въ лавку Петровна, — тоже далъ ей трешницу,

ничего не подѣлаешь: надо поскорѣй сбыть съ рукъ эдакую дурищу!

III.

Въ назначенное свахами воскресенье Акиндинъ Саввичъ, по всегдашнему обыкновенiю, сходилъ къ обѣднѣ, по окончанiи которой забѣжалъ на нѣсколько минутъ въ свою лавку и сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженiя сыну, оставленному въ лавкѣ торговать, а самъ торопливо пошелъ домой. Черезъ четверть часа по его возвращенiи все семейство сидѣло въ столовой за чайнымъ столомъ, покрытымъ бѣлой чистой скатертью, на которомъ кипѣлъ блестящiй самоваръ и красовались: бутылка очищенной, булки въ корзинкѣ, икра на тарелкѣ и разломанная просфора на чайномъ блюдечкѣ. Всѣ члены семьи одѣты были по праздничному. Напившись чаю, Акиндинъ Саввичъ ушелъ въ лавку, а Аноиса Фроловна осталась за чайнымъ столомъ, гдѣ съ какой-то книжкой въ ру-

кахъ сидѣла и невѣста. Скоро явилась сваха Петровна, по лицу которой сразу можно было догадаться, что пришла она съ извѣстіями далеко неутѣшительными Впрочемъ, Анѳиса Фроловна, по своему добродушію, ничего не замѣтила и ласково предложила Петровнѣ садиться.

— А вѣдь дѣло наше вѣрнѣе всего пойдетъ на ладъ!—быстро начала сваха,— только женихъ немного умрямится, а что касательно родителевъ, то дѣло почти прикончено. Папенька согласенъ съ радостью, особливо, когда я ему этакъ будто ненарокомъ про десять тыщъ-то сказала, а мать и говорить нечего; не даромъ на картахъ выходила трефовая дама—это она самая и есть женихова, то-есть, маменька-то.

— Ну, а жениха-то видѣла?—спросила хозяйка.

— Какъ же!—начала было сваха, но потомъ глазами указала Анфисѣ Фроловнѣ на Дашеньку. Послѣдняя догадалась о значеніи этого взгляда и вышла въ столовой.

— Какъ же, видѣла и жениха! — продолжала сваха, — онъ это и скажи папенькѣ-то: что мнѣ и тыщи съ эдакой уродиной, а отецъ какъ зыкнетъ на него, даже я затряслась вся. „Я, говоритъ, — этого желаю, такъ этому и быть“. А потомъ и говоритъ мнѣ: „ты, говоритъ, Петровна, и вниманія на него не бери. Онъ у меня и къ дѣлу поку еще не припущенъ. Непутевый онъ, и баловства этого въ немъ достаточно“. Что-жъ и то сказать надо, одинъ, вѣдь, сынокъ и есть! А мать это и говоритъ: „вотъ женимъ — небось уходится!“

— Дальше и больше — ораторствовала Петровна, — объяснила я имъ все подробно. А ужъ какой молодецъ женихъ-то, и говорить нечего!

Не успѣла еще Петровна передать всѣхъ подробностей, какъ въ столовую, въ сопровожденіи кухарки, вошла сваха Марья Алексѣевна. Сначала Анеиса Фроловна немного сконфузилась, но, оправившись немного, пригласила къ столу и эту сваху, которая презрительно смотрѣла

на соперницу. Наконецъ, хозяйка догадалась отозвать взглядомъ Алексѣевну которая только-что было встала, чтобы идти за хозяйкой въ спальню, какъ вдругъ раздался звонокъ, вслѣдъ за которымъ вошла въ столовую чиновница Приходъ третьей свахи поставилъ въ такое неловкое положеніе хозяйку, что она чуть не плакала, не зная, какъ выйти изъ затрудненія. Между тѣмъ, чиновница расцѣловавшись съ купчихой, храбро приступила къ дѣлу. Она хорошо знала обѣихъ свахъ, предъ которыми ей н хотѣлось показать свое преимущество.— А вѣдь сотенную-то я наполовину заработала,—начала, посмѣиваясь, чиновница. Двѣ другія свахи разинули отъ удивленія рты и незамѣтно толкнули ногами другъ друга.

Озлобленіе на чиновницу такъ сблизило ихъ, что они позабыли на врем свою личную вражду, желая соединитьс противъ общаго врага. А чиновница, какъ будто ничего не замѣчая, повела разсказъ о результатѣ своей миссіи, н

вела разсказъ этотъ такъ сбивчиво, что трудно было вывести какое-либо опредѣленное о немъ заключеніе. Хозяйка смотрѣла на нее, хлопая глазами, а двѣ первыя свахи о чемъ-то безпрерывно шептались. Но страданія Анѳисы Фроловны только еще начинались, ибо въ комнату, какъ бомба, влетѣла Прохоровна, 4-я сваха, и заявила:

— Я къ вамъ, Анѳиса Фроловна, по важному дѣлу—самъ Акиндинъ Саввичъ прислали. „Я и самъ, говоритъ, иду слѣдомъ за тобою, запьемъ, значитъ, могарычи, я дочку вашу просватала за купца Калиничева! Сейчасъ и самъ жениховъ отецъ былъ въ вашей лавкѣ; почти дѣло покончили.

— Ну, матушка, опоздала,—попробовала протестовать чиновница,—тутъ получше нашли Калиничева, за самого Ламакина сосватала.

— Будетъ врать-то,—спокойно возразила Прохоровна,—Ламакинъ сейчасъ отказъ письменный прислалъ въ лавку Акиндину Саввичу. Самъ-то изъ себя

вышелъ, рветъ и мечетъ, я, говоритъ, покажу этой чиновницѣ, только бы увидатъ!

Чиновница при этихъ словахъ поблѣднѣла, схватила свою шаль и бросилась было на утекъ. Но тутъ случилось нѣчто неожиданное: Алексѣвна и Петровна ухватили за платье чиновницу, а та вцѣпилась обѣимъ въ волосы. Сама Анѳиса Фроловна бросилась бѣжать, а Прохоровна, желая разнять дерущихся, бросилась между ними, но и сама попала въ общую свалку. Въ эту минуту вошелъ самъ Акиндинъ Саввичъ и, бросившись между свахами, закричалъ, что есть мочи: „Караулъ! Помогите! Свахи!“
